

Добрыня и Маринка

Во стольном во городе во Кіеве,
Гулял-то ведь Добрынюшка по городу,
Гулял-то ведь Добрынюшка по Кіеву.
«Не заезживай, — наказывала матушка, —
Не заезживай во этаку во улицу,
Где живет-то ведь Маринка ведь Игнатъевна,
И увидит Маринка ведь Игнатъевна,
И кинетце Маринка до плеч в окно,
И скажет Маринка таково́ слово:

10. Возьми-ко ты, Добрынька, меня замуж за себя.

Не возьмешь, Добрынька, замуж за себя,
Овернешьсе, Добрынька, серым волком.
И спустит Добрынюшку серым волком
Во чисто поле.
И ходить тебе, Добрынька, век-повеку».
Добрынюшку-то матушка день ждала,
И Добрыню государыня другой ждала,
Не могла она дожидаться Добрынюшку
Со чисто поля.

20. На ноженьки обувала башмаченьки.

А на плечки кидала кунью шубоньку,
И бежала во эту ю улицу.
Прибежала к Маринке Игнатъевны,
И кричала Маринке Игнатъевны:
«Ай же ты, Маринка Игнатъевна,
Овернула ты Добрынюшку серым волком,
И спустила ты Добрынюшку в чисто поле,

268

И ходить-то ведь Добрынюшки век-повеку.
Не овернешь ты, Маринка, Добрынюшку

30. По-старому, по-прежнему,

Оверну я тебя сорокою
И спущу тя, Маринка, во чисто поле,
И летать те, Маринка, век-повеку».
Побоялась Маринка грозных слов
И отвернула Добрынюшку по-старому,
И отвернула Добрынюшку по-прежнему.
Тут уж брал Добрынюшка саблю вострую,
И отрубил Маринки буйну голову.
И тут-то про Добрынюшку славу поют,

40. И славу-то поют век-повеку.

(Записана 2/VII—1932 г. от 76-летней Царева Петра Павловича,

в дер. Северская, Песчанского сельсовета, Пудожского района).

Чурилушка

Смерть Чурилы

- Отправляетце Чурила снаряжаетце,
Одевает он сапожки зелен сафьян,
Зеленого сафьяна турецкого,
Баского покрою немецкого,
Окол пят, окол пят хоть яйцо кати,
Окол нос, окол нос хоть соловей лети.
Одевает он шубоньку кунью,
Одевает он шапочку в пятьсот рублей,
Ушиста, пушиста, развесиста,
10. Чтобы впёреди не видно лица белого,
Чтобы сзади не видно кудерь желтых.
Только видли мы Чурилушку сядучи,
А не видли мы Чурилушку поедучи:
Одна куревка в чистом поле призакуриват,
Призакуривала Чурилушке кудерышко.
Тут увидела Катерина Микулична,
Она с этого с косящата окошечка,
Она скоро тут бежала по новы́м сеням,
А еще-то поскорее по белому двору,
20. А еще-то поскорее по чистому полю.
Она брала тут Чурилушка конишечко,
Проводила во конюшенки стоялыи,
Приносила пшены да белояровой,
Подала, отошла, да поклониласи:
«Уж ты ешь, ты мой конь, да ешь, нечистый дух,
- Я не ради тебя да поклониласи,
Ради твоего хорошего хозяина».
Она брала тут Чурилушка Пленковича
За тьи за белыи рученьки,
30. Целовала во уста да во сахарнии,
Проводила во светлыи во светлицы,
Во эты во столовы в новы горницы.
Тут спроговорит Катерина свет Микулична:
«Уж ты ай же, Чурилушка свет Пленкович,
Ты пойдем-ко на кроватку позабавимся».
Приходила к ним девчоночка черная,
Тут спроговорил Чурила да свет Пленкович:
«Уж ты ай же ты, девчоночка черная,
Еще во́т тебе полтина на белила,
40. А другая на румянина,

Еще вот тебе третья на костыч сарафан,
Еще вот тебе сапожки зелен сафьян».
И шубоньку кунью и все ей отдал,
Ну, и шапочку в пятьсот рублей.
Тут спроговорит Катерина Микулична:
«Уж ты ай же ты, Чурила да сын Пленкович,
Уж ты этакую шубоньку сам сноси,
Уж ты эти сапожки лучше сам стопчи,
Уж ты эти полтины лучше мне-ко-ва отдай».

50. Рассердилась тут девчоночка черная,
Она скоро тут бежала по новым сеням,
А еще того скорее по белому двору,
А еще того скорее по чистому полю,
Прибежала во церковь во божью,
Ще крест она вела да по-ученому,
Поклоны она клала да по-писаному.
Тут спроговорит девчоночка черная:
«Уж ты ай же, Берман да сын Васильевич,
Есть ведь при доме у нас да нелюбимый гость»,
60. Нелюбимый гость Чурилушка Пленкович».
Еще тут да Берман да сын Васильевич,
Он оставил божью книгу недочитанную,
Он оставил божью церковь незамкнутую,
Они скоро тут бежали по чистому полю,
А еще того скорее по белому двору.
Тут увидела Катерина Микулична,
Она с этого с косящата окошечка,
Она скоро тут бежала по новым сеням,

271

- В одной она сорочечке без пояска,
70. В одних она чулочках без башмачков.
Тут спроговорит Катерина Микулична:
«Уж ты ай же, да Берман сын Васильевич,
После тебя я ноньку да незамогла,
Были послы к тебе ноньку посланы,
Была послана девчоночка черная».
Распроговорит девчоночка черная:
«Уж ты ай же, да Берман да сын Васильевич,
Ты бери-ка ключи да золоченые,
Отмыкай-ко конюшенки стоялые,
80. Оттуль выбежит Чурилина конишечка».
Тут ли Берман да сын Васильевич
Он брал да тут ключи да золоченые,
Отмыкал конюшенки стоялые,

- Оттуль выскочил Чурилин конишечко.
Тут ли Берман да сын Васильевич
Брал в руки да саблю вострую:
Покатилась тут конишечкина головушка.
Тут спроговорит девчоночка черная:
«Уж ты ай же, Берман да сын Васильевич,
90. Ты бери-ко ключи да золочёные,
Отмыкай ко погреба да ты глубокие,
Оттуль выскочит Чурилушка Пленкович».
Тут ли Берман да сын Васильевич
Отмыкал ты погребы глубокие,
Оттуль выскочил Чурилушка Пленкович;
Уж тут ли Берман да сын Васильевич
Он брал в руки саблю вострую:
Покатились тут Чурилина да Катеринина головушки
Тут проговорит Берман да сын Васильевич:
100. «Ай же ты, девчоночка черная,
Ай твое дело, девчоночка, коров кормить,
А не твое дело, девчоночка, чужих жен доводить».
Покатилась тут девчонкина головушка.

*(Записана 23/VI-1932 г. от 28-летней Моисеевой Евдокии Ивановны,
а дер. Харламово, Фоймоубского сельсовета, Заонежского района).*

Ставер Годинович

- Как во стольном городе было́ во Киеве,
Да у ласкового князя у Владимира
Заводился пир на двенадцать дней
На всех на князей, да на бо́яров,
На сильных, могучих богатырей.
Все на пиру наедались,
Все на почетном напивались,
Все на пиру прирасхвастались.
Умный хвастает отцом, матерью,
10. А безумной хвастает молодой женой.
А сидит за столом князь Ставр да сын Годинович.
Он задумавше, закручинивше,
Ничем же он не похвастает.
Да как возго́воят князя да бо́яра
Да сильные могучие богатыри:
«Чего же ты, Ставер да сын Годинович,
Ничем да не похвастаешь?
Али нет у тебя золотой казны,
Али нет у тебя добрых коней,
20. Или нет у тебя платья цветного?»
Как возговорит великий князь Ставер да сын Годинович:
«Мне похвастать, не похвастать отцом, матерью,
Отца с матерью в живых нет,
Мне похвастать, не похвастать золотой казной,
Золота казна моя не тошшитца,
Добры конюшки не ездятце,
Цветное платье не износитце.
- А мне похвастать, не похвастать молодой женой,
Молодой женой да Василистой Микуличной,
30. Она всех ли вас богатырей повыборет:
А князя Владимира с ума сведет».
Как возго́воят великии богатыри:
«Ай же ты, Владимир-князь да стольне-киевской,
Ты вели казнить Ставра Годинова
За его да похвалы великие,
Посадим его в погреба глубокие,
Замуравим его дубьем коло́дниим,
Засыплем желтым песком,
Пусть-ко ево молода жена Василиста Микулична
40. Всех нас богатырей повыборет,
А тебя, Владимира, с ума сведет».

- Посадили Ставра Годинова в погреба глубокие
За его за похвалы великие,
Замуравили дубьем колодניים,
Засыпали желтым песком.
Как прознала про это Василиста Микулична,
Скоренько сходила она к фельшеру,
Волоса она разбила по-мужичьему,
Платье одевала все мужичье,
50. Собрала она дружинишку хоробрую
И раскинула шатры великии
Под славным городом под Киевом,
И посылает послов к Владимиру стольне-киевскому:
«Выпустите вы Ставра Годинова из погребов глубоких,
Нет — войной пойду иль огнем сожгу».
(А она назвалась Василием Микуличем).
Приздумался великий князь, да пригорюнился,
И говорит послу да таковы слова:
«Отпустить Ставра — не видать добра,
60. А не отпустить Ставра, то придет лихая беда».
(Вот она его и с ума свела).
Тут Владимир-князь да стольне-киевской
Своему послу наказывал:
«Пускай приедет Василий Микулич на веселый пир
Хлеба-соли откусать, зелена вина покусать».
Приезжает Василий Микулич,
И проводят Василия Микулича
Во горенки злоокончатые,
Содят его за стола дубовые,
70. За скатерти за браные,

274

- Наливают ему вина заморские.
Обращаетце великий князь Владимир стольне-киевской
Ко своей супруги драгоценной,
Ко княгине ко Апраксине,
Спрашивает совету у супруги, совету драгоценной:
Отпустить Ставра — не видать добра,
А не отпустить Ставра — не будет добра.
Возговорит княгиня да Апраксина:
«Разве ты, Владимир стольне-киевской,
80. Разве ты не видишь, что тут есь не Василий Микулич,
А тут есь сама Василиста Микулична?
У ней речь-поговора вся по-женьскому,
Где жуковинья были, тея места знать
(Где перстни, знать),

Она стегна жмет и добра бережет».
Призадумался великий князь, пригорюнился,
И наказал своим слугам верным
Истопить парну баенку.

«Ай, же ты, Василий свет да Микулич млад,

90. Пойдем же ты со мной в парну баенку
Со мной вместе помытце, попаритце».
И на что Василий Микулич дал согласие.
Скоро-наскоро спрявляютце с Владимиром в парну баенку.
Пока Владимир стольне-киевский
Во своей раздевальнице раздевался,
Василий Микулич уж намылся и напарился и навстречу
катит.

Так Владимир-князь стольне-киевской
Не мог узнать, что мужчина или женщина.
Возговорит Владимир стольне-киевской:

100. «Ай же ты, Василий Микулич,
Не угодно ли тебе с князьями да боярами
И с великими богатырями
Поборотце да потешитце на широком дворе?
Пострелять с тута лука каленой стрелой
Во тое во острие во ножовое,
Чтобы попало во острие во ножовое
Чтобы расколосась калена стрела,
Чтобы были концы весом равны и мерой равны?»
Выходит Василий Микулич на широкий двор,
110. Берет он в руки тугой лук,
Натягает он тетивочку шелковую,
Полагает он стрелочку каленую

275

И стреляет во тое во острие во ножовое:
Уходила прямо во острие ножовое,
Расскочилась на две палочки,
Оны мерою равны и весом равны.
Завели они с богатырями поборотися:
Одного в руку возьмет, другого в другую,
Третьего в середину столкнет,

120. И всех она их повыборола.
Приглашает Владимир стольне-киевской
Того ли Василия Микулича на почетный пир,
Наливает ему вина заморские.
Не пьет Василий Микулич вина заморского,
Требует у Владимира великого,
Чтобы дал музыканта хорошего,

Чтобы мог развеселить его, потешити на гусельшках
яровчатых.

- Предлагает Владимир стольне-киевской
Всем своим боярам великим богатырям,
130. Чтобы сыграли в гусельшка яровчаты,
Чтобы развеселили посла Василия Микулича.
Все играют музыканты не по-разуму,
И возговорит Василий Микулич млад:
«Ай же ты, Владимир стольне-киевской,
Есть у тебя в погребах глубоких
Сиднем засажен Ставр да сын Годинович,
Он хорошо на гусельшках поигрывает,
Только тот может меня развеселить и утешить
Своей игрой музыкальной».
140. Приздумался Владимир стольне-киевской,
Направляетце к своей жене да ко Апраксине,
Говорит ей таковы слова:
«Отпустить Ставра — не видать добра,
Не отпустить Ставра — разгневить посла».
Приказал Владимир стольне-киевской
Разрыть те погреба глубокие
И выпустить Ставра Годинова на почетный пир,
И дали ему гусельшки яровчатые.
Начал Ставер Годинович поигрывать,
150. Развеселил всех князей и всех бояров
И сильных могучих богатырей
Своей игрой да молодецкой.
Тогда Василий Микулич млад

276

Скорошенько сходил он во спаленку,
Переоделся в женское платье
И со Ставром Годиновым обнялись и поздоровались.
И так увела Ставра Годиновича во свой город.
Тем и кончилась, а этих богатырей
Всех она выборола, Владимира с ума свела.

*(Записана 12/VII 1932 г. от 60-летнего Денисова Афанасия
Матвеевича в дер. Римское, Пудожгорского сельсовета,
Медвежегорского района)*

277

Королевичи из Крякова

- Из то́го ли города из Крякова,
Из того села да из Березова,
Да из той улицы Рогатницы,
Из того подворья королевского
Выезжал дородный добрый мо́лодец,
Молодой Петра Петрович королевский сын,
Выезжал он в поле за охотою.
Да проездил мо́лодец по день поры́,
Да проездил мо́лодец по дру́гой день,
10. Да проездил мо́лодец по третий день.
Не наехал он на гуся да на лебе́дя,
Да на серого перелетного утенышка.
Подъезжал ко славному синю́ морю,
Да смотрел на тихоей на за́губьи,
Да на том зеленом на за́гребьи
Плавали там две лебедушки.
Молодо́й Петра Петрович королевский сын
Скоро ту́гой лук разрывчатый отстегивал,
Натянул тетивочку шелко́вую,
20. Наложил он стрелочку калёную,
Да хочет спустить тетивочку шелковую
Во ту ли во стрелочку каленую,
Хотит подстрелить двух белых лебедушек.
Эти ли две лебедушки
Закричали язы́ком человеческим:
«Ай же ты, дородный добрый молодец!
Хошь подстре́лить ты нас двух белых лебедушек,

278

- Нашу кровь прольешь ты во сыру воду́,
Нашу тушицу ты спустишь в глубоку́ воду́,
30. Наши перья разнесет да по синю́ морю.
А ведь мы-то есть не две лебеду́шки,
А ведь мы-то есть две красных девушки,
Две прекрасных Настасьи Митриевичны,
А летаем мы от пана от Поганого,
А от того ли Федора Иванова,
А летаем поры-времени по три́ году́,
Улетали из-за славного синя́ моря́
К вам сюда на матушку светлу реку.
Поезжай-ко ты в раздольице чисто́ поле,
40. Да под той под славной под кряко́вый дуб,
А сидит там птица-ворон черная.

- Крыльица у ворона черным-черны́,
Перьяица у ворона белым-белы́,
Пораспущенные крыльица до матушки сырой земли,
А такой ведь птицы на свете не видано,
Да на белом еще не слыхано».
- Так стоит тут молодец да пораздумался:
«Хоть подстрелю я двух белых лебедушек,
50. И ихну кровь пролью я во сыру́ воду́,
И ихну тушицу спущу я в глубоку́ воду́,
И ихны перья разнесёт да по синю морю,
Не укрятаю плеча могучего,
Не утешить мне-ка сердца богатырского.
Так снимает он стрелочку каленую,
Да спускает тетивочку шелковую,
Скоро ту́гой лук разрывчатый пристегивает
К правому стремени булатному.
Повернул коня он богатырского
60. Во тоё ли раздольице чисто́ поле́
И поехал ко славному к сыру́ дубу́.
Подъехал под славный под кряковый дуб,
Становил коня он богатырского.
Усмотрел он птицу черна́ ворона,
А сидит там птица-ворон черная.
Крыльица у ворона черным-черны́,
Перьяица у ворона белым-белы́,
Пораспущенные крыльица до матушки сырой земли,
Такой ведь птицы на свете не видано,
Да на белом еще не слыхано.
70. Да на белом еще не слыхано.
Молодой Петра́ Петрович королевский сын

279

- Скоро ту́гой лук разрывчатый отстёгивал,
Натянул тетивочку шелко́вую,
Наложил он стрелочку калёную,
Хочет подстрелить он птицу черна ворона.
Эта ли птица-ворон черная
Взмолилась язы́ком человеческим:
«Ай же ты, дородный добрый мо́лодец,
Хошь подстрелить ты меня, птицу-ворон черную,
80. Не укрятаешь плеча могучего,
Не утетишь сердца богаты́рского,
Мою кровь прольешь ты по сыру́ дубу́,
Мои перья разнесёт да по чисту́ полю,
Мою тушицу ты спустишь на сыру́ землю́.
А слыхал ли погово́ру на святой Руси:

- В келье старца убьешь — ведь есть не спасенье,
Черна ворона надстрелишь — не получишь корысть».
Поезжай-ко ты во славный стольный Киев-град,
А у ласкова князя Владимира
90. Есть хорош почестен пир да пиروваньице
На многих князей на многих бо́яров,
Да на славных могучих богатырей,
Да на славных полёниц да разудалых».
Так стоит тут молодец да пораздумался:
«Хоть подстрелю я птицу-ворон черную,
Не укрятаю плеча могучего,
Не утешить мне-ка сердца богатырского,
Его кровь пролью я по сыру́ дубу́,
Его тушицу спущу на сыру́ землю́,
100. Его перья разнесёт да по чисту́ полю́.
А слышал я поговórку на святой Руси:
В келье старца убить — ведь есть не спасенье,
Черна ворона подстрелить — корысть не получить».
Скоро ту́гой лук разрывчатый пристегивал.
Как ведь в тую ли пору, в тое времячко,
А кричит татарин во чистом поле,
А он кличет выкликает поединщика,
Супроти́в себя да супротивничка,
На чистом поле себе наездничка:
110. «Ай же ты, князь Владимир стольне-киевской!
А не дашь ты мне как поединщика,
На чистом по́ле ты мне наездника,
Твоих черных мужичков я всех повырублю,
Твои церкви божьи все на дым спущу,

280

- А тебя, князя Владимира, вполон возьму
Со своей Опраксой королевичной,
А вполон возьму, да голову срублю».
Стоит тут молодец да пораздумался:
«Если ехать мне дорожкой прямоезжею,
120. Прямоезжею дорожкой в стольне-Киев-град,
То побьет меня татарин во чистом поле́,
Во чистом поле́ да на добро́м коне.
Если ехать мне дорожкой окольно́ю,
То не честь-хвала мне будет от богатырей,
Да не вы́слуга от князя от Владимира».
Так просил себе он бога на́ помощь,
Да пречисту пресветлу богородицу,
Повернул коня он богатырского

- Во тое ли во славное чисто́ полё.
130. Подъезжал к татарину близехонько,
Он заехал к нему да с личка с белого,
Они съехались так поздоровались,
Они делали сговор между собой:
Как им силушки у друг друга отведали.
Надо разъехаться на ко́нях богаты́рских,
Приудариться во палицы булатные.
Разгоняли коней по чисту́ полю,
Приударили во палицы булатные —
Ихни палицы в руках да погибалися,
140. А по маковкам да отломалися,
Ни которого местечка не кровавили.
Они делали сговор между собой:
Как им силушки у друг друга отведали.
Разгоняли коней по чисту полю,
Приударились во сабли острые —
Ихни сабли в руках да погибалися,
А по маковкам да отломалися,
Не могли сбить друг друга с добрых коней,
И ни которого местечка не кровавили.
150. Они делали сговор между собой:
Как им силушки у друг друга отведали.
Разгоняли коней по чисту́ полю,
По чисту полю по третий раз,
Приударились во копьа муржанецкие —
Ихни копьа в руках да погибалися,
А по маковкам да отломалися,
Не могли сбить друг друга с добрых коней,

281

- Ни которого местечка не кровавили.
Они делают сговор между собой:
160. Как им силушки у друг друга отведали.
Надо драться боем рукопашкою.
Сходили на матушку сыру землю,
Стали драться боем рукопашкою.
Молодой Петра́ Петрович королевский сын
Приучен весьма бороться об одной ручке
С малолетства маленьким ребеночком.
Подходил он к поленице как близешенько,
Схватил он поленицу на косу бедру,
Сдынул он поленицу выше головы,
170. Спустил он поленицу ниже пояса,
Ниже пояса на матушку сыру́ землю.

- Поскорешеньку соскочит на белы́ груди́,
Во руках он держит свой булатный нож,
Хочет он срубить ей буйную головушку.
Его правая рука в плече да застоялася,
Во глазах у него свет да помутняется,
Так он начал поленицу тут выпрашивать:
«Ты скажи мне, поленица разудалая,
Ты с какой земли, да с какой орды,
180. А какого отца да ты есть матери?
Да какого будешь роду-племени,
Еще как тебя да именем зовут,
Удалого звеличают по отчеству?»
Говорила поленица, слезно плакала:
«Ай же ты, мужик да деревенщина!
Тебе просто надо мною надсмехаться,
Как стоишь ты на моих на грудях белых,
Во руках ты держишь свой булатный нож,
Хочешь ты срубить мне буйну голову́.
190. Если был бы я да на твоей груди,
Не спросил бы я ни батюшки, ни матушки,
Отрубил бы я тебе буйну́ головушку».
Разгорелось сердце у богатыря,
У молодого Петра Петровича,
А сдвинул он ручку праву выше головы,
Да хочет спустить он ниже пояса.
Его правая рука в плече да застоялася,
Во очах у него свет да помутняется.
Так он начал поленицу тут выпрашивать:
200. «Ты скажи мне, поленица да разудалая,

- Ты с какой земли, да из какой орды?
А какого отца да ты есть матери,
Да какого будешь роду-племени?
Еще как тебя да именем зовут,
Удалого звеличают до отчеству?»
Говорила поленица, слезно плакала:
«Ай же ты, мужик да деревенщина!
Тебе просто надо мною насмехаться,
Как стоишь ты на моих на грудях белых,
210. Во руках ты держишь свой булатный нож,
Хочешь ты срубить мне буйную головушку.
Если был бы я да на твоей груди,
Отрубил бы я тебе буйну головушку,
Не спросил бы и ни батюшки, ни матушки».

- Разгорелось сердце у богатыря,
У молодого Петра Петровича.
А сдвинул он правую ручку выше головы,
А хоти́т спустить он ниже пояса.
Его правая рука в плече да застоялася,
220. Во глазах у него свет да помутняется.
Так он начал поленицу тут выпрашивать:
«Ты скажи мне, поленица разудалая,
Ты с какой земли, да из какой орды?
А какого отца да ты есть матери,
Да какого будешь роду-племени?
Еще как тебя да именем зовут,
Удалого звеличают по отчеству?»
Говорила поленица, слезно плакала:
«Когда стал ты у меня про то выпрашивать,
230. Так ведь стану я тебе про то высказывать.
Есть я со матушки святой Руси,
Из того ли города из Крякова,
Из того села да из Березова,
Из той из улицы Рогатницы,
Из того подворья королевского,
Молодой Лука Петрович королевский сын.
Увели меня татаровья поганые
Со двора да маленьким ребеночком,
И возростили до полного до возрасту.
240. Стал иметь силу великую в могучиих плечах,
Подобрал себе коня я богатырского
И поехал на матушку святую Русь,
Поискать себе я роду-племени,

283

- Роду-племени да отца матери».
Молодой Петра́ Петрович королевский сын
Поскорешеньку соскочит со белых грудей,
Брал его за рученьки за белые,
За его за перстни за злаченные,
Целовал в уста его сахарные,
250. Называл его да братцем ро́дным,
Молодым Лукой Петровичем.
И дарил он ему дары драгоценные,
Кормил его яствушкой сахарнией,
Поил его питьицем медвяным.
Они сели на добрых коней, поехали
Ко тому ко городу ко Крякову.
Приезжают к себе да на широкий двор.

- Молодой Петра́ Петрович королевский сын
Поскорешеньку соскочит со добра́ коня́,
260. Сам бежит в палаты белокаменны,
Крест кладет да по-писаному
А поклон ведет да по-ученому,
А своей ли матушке в особину:
«Здравствуй, свет моя ты родна матушка!
Был я сегодня в раздольице чистом поле́,
Наехал я в чистом поле́ татарина,
Кормил я его яствушкой сахарнией,
Поил я его питьицем медвяным,
Дарил я ему дары драгоценные».
270. Так тут свет честна вдова заплакала,
Женским голосом да во всю голову:
«Ай же, чадочко мое любимое,
Как наехал ты в чистом поле татарина,
Не кормил бы его яствушкой сахарнией,
Не поил его бы питьицем медвяным,
Не давал ему дары бы драгоценные,
А колол бы рогатиной звериной
И этого татарина поганого.
Эти татаровья поганые
280. Увезли ведь у тебя братца родного,
Молодого Луку они Петровича,
Увезли его да с широка́ двора,
С широка́ двора от нянюшек, от мамушек,
Еще маленьким его ребеночком».
- Говорит Петра́ Петрович королевский сын:
«Ай же, свет моя ты ро́дна матушка!

284

- А наехал я во поле не татарина,
А наехал я да братца ро́дного,
Молодого Луку Петровича,
290. А теперь он у нас на широком дворе».
- Так тут свет честна вдова заплакала
Женским голосом да во всю голову,
Поскореньку выбегала на широкий двор,
Увидала она сынка любимого,
Подбегала к добру молодцу близешенько,
Брала за рученьки за белые,
За его за перстни за злаченные,
Целовала во уста его сахарные,
Называла сыночком любимым,
300. Молодым его Лукой Петровичем.

- Проводила их в палаты белокаменны,
Садила их за столички дубовые,
За те ли скамеечки окольные,
Кормила их яствушкой сахарной,
Поила их питьищем медвяным,
Дарила им дары́ драгоценные,
Спать положила на кроваточки тесовые,
На ту ли перинушку пуховую,
Закрывала одеяльцами их теплыми.
310. Стали жить да быть, да век коротати.
Да ведь тем эта былиночка прикончилась.

*(Записана 1/VI 1934 г. от 30-летнего Петра Ивановича Рябинина,
в дер. Гарницы, Сенногубского сельсовета, Заонежского района).*

Былина о челюскинцах

Как во матушке в каменной Москве,
Как у нашего вождя да у Сталина
Есть много светлого ума, ума-разуму.
Направляет он удалых добрых молодцов
С каменной Москвы и на Ленинград:
«Выезжайте во путь да во дороженьку».
Направляет их Иосиф Виссарионович
Во путь да во дорожку долгую
Из града Ленина еще в теи океаны Ледовитые.

10. Они справлены и снаряжены.
Во главе сидит Поколен-борода*),
Провожает их да весь честной народ,
Весь Советский народ с Красной армией,
Узнавать путь-дороженьку
В океан-моря Ледовитые,
Узнавать моря чужестранные,
Доставать товар в скором времени, —
Не по-старому, а по-новому,
По-новому, по-стахановски.
20. И поехали удалые сильные молодцы,
Вновь богатыри, люди смелые,
Дружина-то их вся хоробрая,
Да капитан у них Умна-голова**).
Приехали удалы молодцы в царство датское

286

- К датскому королю в гости
От народа от нашего Советского,
Поколен-борода да капитан удалой.
Недолго побыли, да много видели
Наши удалые добрые молодцы:
30. Что товару у них продать некуды,
И рабочие там все голодные.
Наш Советский народ живет весело
У нас есть всего, да всего-навсего.
Как отправились из Дании
Да на Мурман-град
Поколен-борода, капитан Воронин,
А приехали они да во Мурман-Град —
Тут во Мурмане их тепло встретили.
Дорогих гостей — Поколен-бороду

*) Отто Юльевича Шмидт.

**) Капитан Воронин.

40. И со всею дружиной хороброю —
Их там встретили-то родные братья,
Родные братья и в ряде*) женщины.
Погостили они в граде-Мурмане
И отправились снова в путь-дороженьку.
Они держат путь в море Карское.
Тут как встретились им злые недруги,
Злые недруги, льды пловучие.
Долго бились они с неприятелем —
Не могли никак от удару сбыть.
50. Тут удар нанесло в нос «Челюскину»,
Проломило борт, полила вода...
Поколен-борода, капитан Воронин
От удара того да не дрогнули,
От удара скалы неприятельской.
Поколен-борода стал командовать,
Капитан Воронин стал приказывать,
Чтоб скоро-наскоро все было налажено:
Мастеров-слесарей он потребовал —
Быстротой мастеров все исправлено,
60. И поплыл кораб во-перед, во путь,
В океан-морё Ледовитое.
И встречали кораб они «Красина» —
Он помог пройти ледяные скалы,
Ледяные скалы очень трудные,
А потом они распрощались,

287

- Каждый путь держал в свою сторону.
Долго бились они в ледяных горах:
Нужно было им наказ выполнить,
Наказ Сталина, наказ всей Руси.
70. Как наехали они на большую гору,
Ледяную гору высокую,
Вот и сжало кораб льдами сильными.
Поколен-борода, капитан Воронин
От удара того да не дрогнули,
И команда была быстро созвана:
«Не робейте, друзья, вы товарищи,
Наш Советский народ духом не падает,
Не боится он ни огня, ни воды,
Океана не боится Ледовитые, —
80. На врагов даст отпор сильные

* В ряду.

- Той советской рукой да могучией».
С корабля, что нужно было — сброшено,
Как дружиной его на лед сложено
По команды его, Поколен-бороды.
В то же время дал знать в каменну Москву,
В каменну Москву, в Москву — Сталину,
Как родному отцу о спасении.
Сам пошел спасать орден Ленина,
Как врасплох позабыл в корабле он его.
90. Как пошел кораб в глубину морску,
Орден Ленина успел вытащить —
Поколен-борода не дал гибели,
Чтоб пошел ко дну орден Ленина.
А на льду они думу думают,
Думу думают, думу крепкую.
Были созваны все товарищи
И дружина его многосильная,
Как могучие все да богатыри.
Поколен-борода, капитан Воронин
100. Тут собранием план раскинули,
Начертили его как бы лагерью.
И пришлось проспать ночь холодную,
Как на тех на льдах на холодных:
Но измучились ведь от выгрузки
И заснули они сном богатырским.
Тут как гибель была — лед раздвинуло,
Но не в страх пришла эта трещина,
Как дружина-то не испугалася.

288

- Поколен-борода успокаивал,
110. Что в Москве о нас ведь позаботятся,
Наш Советский народ не покинет нас,
Он избавит нас от гибели.
Как шатер быстро да направили
И живем мы теперь в этом лагере.
Сталин из Москвы прислал весточку?
«Мы готовим вам еропланчики
О спасении вас, да товарищи».
Как проведали они весточку,
Заплясали все, веселилися,
120. Друг с другом они обнималися.
«Как об нас-то все да заботятся».
Тут как ветры у нас были сильные,
Были сильные и холодные,

- Погоды-то были все ненастные.
Тут работали мы день и темну ночь,
Дорогих гостей ждали с неба мы...
Со небес гостей, вроде ангелов.
Мы посадочки им уладили,
Чтобы встретить нам дорогих гостей,
130. Чтобы было у нас чисто полюшко.
А у нас в корабли было детище –
У ней родина — океан-море,
Океан-море, — море Карское.
Еще по́ морю ее мы и на́звали -
Мы Кариной ее тогда прозвали, —
Вся дружина Карину очень нянчила —
Одно детище было любимое.
Как завияли ветры буйные,
Ветры буйные, ветры холодные,
140. Некак было-то нас вывести:
Еропланчиков моторы не работали,
Замерзли от морозов очень ярых.
Сколько бились для нас люди добрые,
Чтоб спасти нас от гибели,
Не спустить людей в океан-море,
В океан-море, море холодное,
Чтоб не хвастало море, океан-море,
Океан-море той добычею.
Не сдадимся врагу, врагу сильному,
150. Аще тем да ледяным горам,
Ледяным горам и морским волнам.

289

- Поколен-борода, капитан Воронин
Всю дружину свою уговаривают,
Уговаривают, успокаивают:
«Ведь об нас в Москве все заботятся,
Чтоб спасти нас всех лютой гибели.
Как пришла уж нам еще весточка —
Скоро-наскоро нас, скоро вывезут».
Наступил тут день очень счастливый:
160. Вдруг шум в небе ясным,
Видим мы — ероплан опускается,
Что летит ероплан на спасение,
Стало радостно и плясали все.
Сразу бросились все ко спасители,
Подымали флачки, флачки красные,
Прилетали еще еропланчики

- И спасли всех людей от гибели,
(Лишь один утонул-то нечаянно —
Заплатил дань океан-моряю^{*}).
170. В каменну Москву мы приехали —
Вся Москва флага́ми занавешана,
Дорогих гостей Москва встретила,
На руках несла вплоть до Сталина.
Как встречает тут Сталин наш,
Сталин — вождь — Поколен-бороду
И капитана целует Воронина
И всю дружину их многосильную.
Не боялись они ни огня, ни воды,
Ни зверей морских, ветров буйных,
180. Ледяных гор, гор высоких,
Не боялись морозов свирепых -
Наградил-то их Сталин — вождь,
Наградил он их, много жаловал,
Как за ту, за работу непосильную,
Приглашал к себе героев летчиков,
Наградил героев за спасение.
Весь Советский народ их приветствовал,
Об их подвигах песни складывал.

* Борис Могилевич, завхоз «Челюскина», погиб при выгрузке на лед.

Былина о Чапаеве

Как на славной матушке да на большой Руси
Нарождалось чадо, чадо милое,
Чадо милое, да ведь любимое —
Молодой Чапай Василий сын Иванович,
Молодой Василий да Иванович.
А во время своего да возрастанья
Много видел он да горькой участи,
Горькой участи да недостаточное родителей.
Он возрос до полного до возраста.

10. Захотелся Чапаю много мудростей —
Рыбой-щукой нырять да во синих морях,
Серым волком рыскать во чистых полях,
Птицей-соколом летать под синим облачком.
Услыхал Василий про невзгодушку,
Что с-под той ли западной сторонушки,
Как ведь в тую ли пору, в тое времечко,
А ведь в том году, да восемнадцатом,
Перешли границу неприятели
А со всех концов да свету белого,
20. Точно черные вороны посыпались
А на тое ли государство пролетарское.
Разгорелось сердце у Василия,
А его ли сердце богатырское.
Говорит Василий таковы слова:
«А не может быть, чтоб трудовой народ
Чтобы сдался в руки неприятелям,
Чтоб они над ним издевались,

291

- Издевались да насмехались».
Говорит Василий таковы слова:
30. «А поеду я да во чисто поле,
Своей силушки с ними поотведаю».
Одевается Василий, снаряжается,
Одевает одежду военную,
А военную одежду зелена́ сукна.
Брал с собою он да саблю острую,
Свое длинное копье да муржамецкое,
Карабинку брал пятизарядную,
Кобуру с наганом на плечо одел,
Да набрал он много бомб разрывчатых.
40. С родной матушкой прощается;
Говорит Василию родна матушка:

- «Ай же, чадочко мое любимое,
Молодой Василий свет Иванович!
А куда ты едешь, куда путь держишь,
Когда ждать тебя да когда поджидать,
Да когда велишь в окошечко посматривать?»
Говорит Василий таковы слова:
«Ай же, свет моя ты родна матушка!
Первых три году ты прожди за себя,
50. Других три году ты прожди за меня,
Дак ведь пройдет поры-времечки
Все шесть годов.
Прибежит мой конь да из чиста поля.
Из чиста поля да без наездничка,
Так тогда, моя ты родна матушка
Не покинь моих да малых детушек.
А я поеду в поле биться-ратиться,
Постоять за правду, за отечество,
Защищать я еду землю пролетарскую.
60. Не вернусь я если из чиста поля,
Не забудет власть Советов моих детушек.
Помочь даст до полного до возраста».
Молодой Василий да Иванович,
Выходил Василий на широкий двор,
Заходил в конюшню во стоялую,
Выбирал жеребчика неезжена,
Выводил коня он на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Скоро-исскора седлал да закольчуживал,
70. На коня подкладывает войлучек,

292

- А на войлучек покладывал подпотничек,
На подпотничек — седельшко черкасское.
Заседлал тут молодец добра коня
И поехал молодец из широка двора.
А его ли мать да малы детушки
Со слезами на глазах да остановились.
Молодой Василий да Иванович
Повернул коня он на широкий двор,
Подъезжает он да к родной матушке,
80. Крепко руку жмет он родной матушке.
Обнимает своих да малых детушек,
На прощанье детушкам наказывал:
«Ой же, малые мои выюнышки,
Как возрастете вы до полного возраста,

- Станьте верными бойцами во чистом поле,
Защищайте землю вы Советскую».
Молодой Василий да Иванович
Повернул он своего добра коня,
А с того ль двора, двора широкого
90. Да во тое ли раздольице — чисто поле.
Со двора он ехал не воротами,
А из города он ехал не дорогою
Со своею сотней Чапаевской.
И поехал ко городу к Уральскому.
Подъезжает ко городу к Уральскому,
Нагоняет он Фрунзе да во чистом поле.
Они съехались да поздоровались,
Они делали стовор между собой,
Как им силушки расставить по фронтам везде.
100. Говорит ему Фрунзе таковы слова:
«Ай же ты, Василий свет Иванович,
А ведь быть тебе да атаманушком
Да над той ли армией великой».
Говорит Чапаев таковы слова:
«Ай же ты, Михайла да Васильевич,
Зря не сдамся в руки неприятелю,
Я не дам в обиду трудовой народ,
Трудовой народ да армию великую».
Разъезжались каждый по своим фронтам:
110. А ведь Фрунзе едет тут да ко Царицыну,
А Чапаев поехал ко Уральскому.
Приезжает Фрунзе во Царицын-град.
Прямо едет к штабу на широкий двор,

293

- Становил коня он посреди двора,
Сам идет в палаты белокаменны.
На ходу он двери поразмахивал,
А он низко всем да покланяется,
Да товарищу Сталину в особину.
«Здравствуй, свет Иосиф да Виссарионович!
120. А я был сегодня во чистом поле,
А я видел во чистом поле Чапаева,
Он поехал биться ко Уральскому,
А я поехал биться ко Царицыну».
Говорит ему Сталин таковы слова:
«Ты запомни-ка, Михайла да Васильевич,
Как поехали с Москвы мы белокаменной,
На́ поезде Ленин нам наказывал:

- Вы - богатыри земли Советской,
130. Земли русской, да пролетарской!
Постоять велел за правду, за отечество,
Не велел давать в обиду трудовой народ.
Пусть Чапаев едет ко Уральскому,
А мы будем биться под Царицыным,
Да очистим-ка ведь мы да землю русскую,
Землю русскую от неприятеля,
Не дадим в обиду трудовой народ».
Молодой Василий да Иванович
Подъезжает ко городу ко Уральскому.
140. Как под тем под городом Уральским
Нагнано там силушки черным-черно,
А черным-черно, как черна ворона —
Хочут черных мужиков да всех повырубить
Да во том ли городе Уральском,
Тая сила неприятельска.
Разгорелось сердце у богатыря,
У молодого Василия Чапаева.
Закричал Василий громким голосом:
«Ай же, братцы мои да вы товарищи,
150. Колотили с вами мы Деникина,
Не давали мы пощады и Юденичу,
А Юденичу да Балаховичу,
Не оставимте в живых и колчаковских банд».
И пошла пальба да тут по всем фронтам.
Сам Чапаев ясным соколом
Он летал от юга да от севера
Со своей ли армией великою.

294

- А он силу бьет да неприятеля,
Да он силу бьет, да как траву косит.
160. А ведь сила в нем не уменьшилась.
Он копьем колол, да из ружья стрелял,
Из ружья стрелял, рубил он саблей острою:
А куда ударит — падет улица,
Перевернет саблю — переулочки.
А ведь в тую ли пору, в тое времечко,
Ко тому ли славному Чапаеву
Подъезжал Фурманов из чиста поля,
Из чиста поля к Чапаю в подкрепление.
Молодой Василий да Иванович
170. Подъезжал ко реченьке ко Белоей,
Усмотрел на северном берегу,

- А там было силушки черным-черно,
А ведь вся-то сила неприятеля.
Молодой Василий да Иванович,
Со своей ли конницей великой,
Они вплавь да через речку бросились
А к тому ли северному бережку,
Точно ясные соколы слетались
Да на тую ли силу неприятеля:
180. Поклевали колчаковцев да деникинцев.
Крики, плачи раздавались колчаковские
Перед славною сотнею Чапаева.
У того ли Колчака да у Деникина
А ведь силы стало мало ставиться,
Испугались колчаковцы да деникинцы,
А в побегах начали отстреливать.
Так, ведь, в эту ли пору, в это времечко,
А одна ли пуля неприятельска
Врылась в тело белое Чапаева.
190. Молодой Василий да Иванович
Не почувствовал в себе ранения,
Его добрый конь да богатырский,
Он не дрогнул от удара от великого,
Еще пуще по полю поскакивал.
Молодой Василий да Иванович
Он летал по полю ясным соколом
Со своей ли армией великой.
За его отвагу героическу
Получил большое награждение —
200. От своей ли славной власти пролетарской
- Получил он орден Красна знамени.
А и тут его сердце да не утешилось —
От такого подарочка великого
Еще пуще сердце разгорелось
У молодого у Василия да Иванова,
Со своей ли да доброй Красной армией
Еще пуще дрался за отечество.
А в одну ли ночь, ночь темную,
Крепко спать бойцы легли да во белых шатрах
210. После боя, драки, кроволития.
А ведь в ту ли пору, в тое времечко,
Налетала сила неприятеля,
Налетала тучей черных воронов,
Да ведь этие ли вороны рассыпались

- А над славными героями над спящими.
Как проснулись от стрельбы да оруженной
Молодой Василий да Иванович
Со своей ли он да Красной армией,
Видит — дело есть тут нехорошее:
220. У того ли Колчака да у Деникина
Было нагнано силушки черным-черно,
А черным-черно, как черна ворона.
Тут вскричал Василий громким голосом:
«Ай же, братцы мои, да вы, товарищи!
А поедемте за речку на ту сторону,
Да на той ли сторонке схватку сделаем».
Сам Василий тут да в речку бросился
И поплыл ко западной сторонushке.
Как ведь в тую ли пору, в тое времечко,
230. Не успел Василий вплыть на тот бережок,
Как ведь в тую ли пору, в тое времечко,
А последняя пуля неприятеля
Да ударила Василия во головушку:
Утонул Василий посреди реки.
А вставали все, похватились,
Что не стало Василия Иванова,
Еще тут их сердца да разгорались,
А у той ли армии великой
А пося потерю Василия,
240. Да Василия Иванова Чапаева,
Тут они за ружья похватились
И прогнали с матушки большой Руси
Все остатки силы неприятеля.

296

- Пусть еще когда-нибудь попробуют
Наскочить на наше царство пролетарское,
Так получают удары посильнее тех,
Что в былые годы были даны у Чапаева.
А ведь с той поры, да с того времечка,
Трудовой народ живет да царствует,
250. Споминает великого Чапаева
За его ли подвиги великие.
Есть на Волге памятник поставленный —
А великого героя да Чапаева,
А тому ли славному Чапаеву
За его заслуги за великие.

297